
«ВСЕ ЛУЧШЕЕ ДЕТЯМ»: ДЕТИ И ПОДРОСТКИ В ИЕРАРХИИ СНАБЖЕНИЯ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ

Л. Е. Мариненко

В статье рассматриваются проблемы организации снабжения детей и подростков в Сибири в первой половине 1930-х годов. Приоритетным направлением внутренней экономической политики в СССР в этот период являлась форсированная индустриализация, все ресурсы страны были сконцентрированы в этой сфере. Материальное обеспечение детей и подростков имело второстепенное значение, поэтому средства для их снабжения выделялись по остаточному принципу. Полуголодное существование, отсутствие предметов первой необходимости, ухудшение состояния здоровья молодого поколения – все это цена процесса сталинской модернизации.

Ключевые слова: система снабжения, социальное обеспечение детей и подростков, продовольственный кризис, товарный дефицит, карточная система

История социально-экономического развития СССР в годы первых пятилеток вызывает до сих пор огромный исследовательский интерес отечественных и зарубежных ученых. Актуальным и дискуссионным в данной теме остается вопрос о социальных последствиях политики 1930-х годов. Тема эволюции системы снабжения достаточно разносторонне освещена в научной литературе, существуют обобщающие комплексные работы, посвященные истории торговли и снабжения, относящиеся к советскому периоду [См., например: Дихтяр, 1965; Рубинштейн, 1964; Малафеев, 1964]. Однако эти исследования поддерживали государственную идеологию, они были посвящены изучению роли коммунистической партии и советского правительства в сфере снабжения населения, а критический взгляд на советскую экономику отсутствовал. Выводы о динамичном развитии советской торговли, повышении

жизненного уровня трудящихся, качественных изменениях в материально-технической базе торговли зачастую заслоняли в исследованиях этого периода такие системные проблемы советской действительности, как товарный дефицит, голод, функционирование черного рынка. Лишь в 1980-е годы появились работы, в которых рассматривались уровень жизни и материальное положение населения страны в годы первых пятилеток [Вылцан, Волков, Зеленин, 1983]. Авторы, на основании тщательного изучения доходов и расходов населения, сделали вывод о сокращении уровня потребления жителями страны продуктов питания в начале 1930-х годов.

В годы перестройки начинается новый этап в развитии отечественной исторической науки и изучении системы снабжения. Он характеризуется освобождением от идеологических догм, переосмыслением прошлого России и поиском новых методологических подходов. Историки получили доступ к ранее засекреченным материалам, стали привлекать новые, ранее не использовавшиеся источники в изучении тех явлений и процессов, о которых советская историография вынуждена была умалчивать. В это время появились интересные работы, изучающие различные стороны системы снабжения 1930-х годов, в них преобладает критический анализ достижений советского периода. И лишь к концу 1990-х годов наметился более взвешенный подход исследователей к оценке исторического прошлого СССР.

В 1990-е годы появляются работы Е.А. Осокиной, она впервые вводит в научный оборот уникальные, ранее закрытые материалы Наркомата снабжения. Опираясь на всесторонний анализ социально-экономического развития страны, этот автор указывает на связь между экономическим курсом правительства и введением карточной системы в стране, кризисами снабжения, товарным голодом [Осокина, 1999]. Одновременно в последние десятилетия в отечественной исторической науке активно развивается направление, связанное с изучением истории детства, исследуются проблемы, связанные с теорией и практикой этой предметной области, обсуждаются изменения в процессах социализации детей в XX веке [Келли, 2003; Сальникова, 2007; Смирнова, 2008].

В последние десятилетия появились диссертационные исследования, рассматривающие региональные особенности снабжения и торговли в Сибири и Дальнего Востока [Алексеев, 2007; Дударь, 1998; Мариненко, 2003]. Фундаментальных исследовательских работ, предметом которых является история обеспечения продуктами и товарами первой необходимости детей и подростком в Сибири, до настоящего времени нет [частично данная проблематика была затронута в работах Алексеев, 2007; Афанасова, 2007; Мариненко, 2003; Малышева, Познанский, 2007]. Таким образом, актуальность исследования проблематики в первые десятилетия советской власти продиктована еще и слабой изученностью

вопроса. Поэтому важно изучать социальную политику, особенно актуальным является анализ условий жизни и кризис снабжения населения в период сталинской модернизации. Целью данной статьи является анализ организации снабжения детей и подростков в Сибири в первой половине 1930-х годов.

Пайки и неравенство как элементы советского снабжения

Первые шаги советской власти в сфере социального обеспечения представляют собой путь проб и ошибок, кроме того, снабжение детей напрямую зависело от экономических возможностей государства. Напряженная международная обстановка, военная угроза, промышленная отсталость СССР и слабость демократии в стране сформировали благоприятную почву для политики широкой государственной индустриализации. В конце 1920-х годов – 1930-е годы вся жизнь страны была подчинена нуждам форсированного промышленного развития, предусматривающего быстрое наращивание промышленного потенциала за счет внутренних ресурсов. Вытеснение частного сектора из сферы производства и торговли, неразвитость государственной легкой и пищевой промышленности, увеличение экспорта продовольственных товаров и технического сырья для обеспечения импорта промышленного оборудования, отсутствие заинтересованности крестьян в поставках продукции сельского хозяйства государству привели к продовольственному и товарному кризису.

В этих условиях власти предприняли меры для создания условий более стабильного снабжения продуктами питания и товарами народного потребления тех, кто рассматривался в качестве человеческого ресурса индустриализации, то есть работников ключевых промышленных предприятий и жителей городов. Одной из таких мер стало постановление Наркомснаба (Народного Комиссариата снабжения СССР) «О введении единой системы снабжения трудящихся по заборным книжкам» 13 января 1931 года, в результате которого в стране была введена карточная система. В основе карточной системы лежал классово-производственный принцип, размер пайка зависел от того, в какой отрасли народного хозяйства работал человек. Социальное обеспечение детей и подростков также было подчинено экономической политике государства. Дети в структуре снабжения определялись как «иждивенцы» и получали паек в зависимости от того, где они проживали и к какой категории тарифицированного населения относились их родители. Учащаяся и работающая молодежь получала паек в зависимости от места своей деятельности. Государственно снабжение действовало очень избирательно, что порождало неравенство и усиливало товарный дефицит.

В системе централизованного снабжения были выделены три основных списка и особый список распределения товарных фондов [Внутренняя торговля... 1935. С. 24]. В особый список попали Москва, Ленинград, Донбасс, Баку, а также предприятия оборонного значения. К первому списку относились предприятия черной и цветной металлургии, химические предприятия, транспорт, а также наиболее важные предприятия остальных отраслей народного хозяйства. Особый и первый списки имели более высокие нормы снабжения по сравнению с другими категориями.

Второй список включал предприятия легкой и пищевой промышленности, промысловой кооперации. В состав третьего списка входило население средних и мелких городов, они имели одни из самых низких норм снабжения. Большая часть сельских жителей оказалась за пределами пайкового снабжения, власть оставляла их на самообеспечение, что в условиях существующей аграрной политики практически обрекало их на полуголодное существование. Таким образом, в зависимости от места жительства, профессии родителей и социального положения ребенок или подросток получал паек определенного объема.

Детским контингентом с точки зрения партийного руководства считались граждане, не достигшие 14 лет, то есть родившиеся после 1917 года. В СССР в начале 1931 года норма пайкового снабжения для ребенка в месяц предусматривала получение по особому списку – 1,5 кг крупы, 2,2 кг мяса, 2 кг рыбы, по I списку – 1,5 кг крупы, 1,3 кг мяса, 1,4 кг рыбы, по II списку – 0,85 кг крупы, 1 кг мяса, 1 кг рыбы, по III списку – 0,5 кг крупы, мясо и рыба не выделялись вовсе.

Изначально замысел централизованного карточного снабжения основывался на принципе «индустриального прагматизма», где размер и качество пайка отдельного гражданина страны зависел от его личного вклада в процесс индустриализации. Постепенно доступ к товарам стал ассоциироваться с политическими привилегиями, и уровень материального потребления отдельных социальных групп стал в большей степени соответствовать месту в советской социальной структуре.

Голод в Сибири

На пайковом снабжении в Восточно-Сибирском крае в 1931 году находилось 173 тысячи детей в городе, 91 тысяча в сельской местности. В 1932 году численность снабжаемых увеличилась в городе до 205 тысяч человек, а в деревне до 143 тысяч человек¹. Статистические данные свидетельствуют о приоритете снабжения городского населения, по сравнению с сельским населением, что было продиктовано интересами полити-

¹ ГАИО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 52. Л. 4.

ки сталинской модернизации. И это с учетом того, что в довоенное время в Сибири большая часть населения проживала в сельской местности, а численность сельского населения региона в 1930 году более чем в три раза превышала численность городских жителей [Экономико-статистический... 1932. С. 336–337]. Большая часть детей, проживающих в деревнях, оказалась за пределами пайкового снабжения и вынуждена была рассчитывать на собственные семейные, зачастую весьма скудные ресурсы.

Поэтому не случайно огромное количество жалоб о голодной жизни поступало именно из деревень. Политические сводки ОГПУ (составляемые на основе докладов агентов, уполномоченных ОГПУ) начала 1930-х годов донесли до нас сведения о недовольстве населения региона, вызванном голодной жизнью. Вот лишь некоторые из них. Крестьянин на общем собрании в деревне Нижняя Печера говорил:

У меня все забрали на семена и сейчас сижу голодом со своими детьми. Соберу их всех и приведу их в сельсовет, что хотите, то и делайте. Пусть умирают с голода, тогда все будут знать, что советская власть допустила ¹.

Пытаясь спасти своих детей от голодной смерти, женщины приносили малолетних детей и младенцев в учреждения местных органов власти и оставляли их там в надежде, что детей распределят в детские дома и они смогут выжить в это страшное время. По информационным сводкам из города Славгорода в январе 1932 года ежедневно на улицах и в учреждениях подбирали по 15–20 брошенных детей [Познанский, 2007. С. 278].

Более высокие нормы снабжения городов и важных промышленных объектов по сравнению с деревней порождали в среде крестьян негодование по поводу такого неравенства и негативное отношение к рабочим и служащим. Наглядной иллюстрацией подобных настроений может служить докладная записка ОГПУ о продовольственных затруднениях и политическом настроении в связи с этим среди населения Канского округа. Уполномоченный писал, что

В с. Нижний Ингаш середняк Дворников среди толпы крестьян в 20–25 человек говорил: «Что мы крестьяне другой народ что ли, три месяца аванс давал и обуви нет, а рабочий получает, сколько ему нужно. Зачем мне сдалось стараться для государства, все дай, а тебе. Это, по моему, делается все нарочно, чтобы обидеть крестьян» ².

В этих высказываниях крестьян звучит и отсутствие заинтересованности в собственном труде и расширении сельскохозяйственного производства.

¹ ЦХИДНИ КК. Ф. 96. Оп. 1. Д. 808. Л. 167.

² Там же. Д. 814. Л. 286.

Материалы архивов сибирских городов практически не содержат прямых сведений о голоде на территории Восточной Сибири в первой половине 1930-х годов, так как центральные и местные власти отрицали свидетельства о нем в период сплошной коллективизации. В документах содержатся лишь упоминания о «временных продовольственных затруднениях», хотя есть свидетельства того, что в это время из сельской местности Сибири шел поток жалоб на голодную жизнь со стороны крестьян. Уполномоченные на местах отмечали, что в ряде районов крестьяне питаются отрубями, протравленной семенной пшеницей, нищенствуют и, пытаясь достать продовольствие, уходят из колхозов на заработки¹.

В силу ограниченности свидетельств, определить точные масштабы этого явления в Сибири очень сложно. Причинами голода был не только неурожай начала 1930-х года, но и аграрная политика партии, когда изымалась у крестьян практически вся сельскохозяйственная продукция, а часто и семенные фонды. В ряде работ высказано мнение, что в 1930 году значительно раньше, чем в других регионах, начался голод на юге Сибири [Мальшева, 1998. С. 84–87; Познанский, 2007. С. 210]. Продолжался он и в 1932–1933 годах.

Недовольство населения голодной жизнью и товарным дефицитом не ограничивалось только высказыванием суждений о последствиях проводимой экономической политики для народа, но проявлялось и в более активных формах, в том числе акциях протеста в деревнях, убийствах представителей местного руководства. Несмотря на протесты части населения, модернизация страны, целью которой стало скорее достижение больших геополитических целей, чем улучшение повседневной жизни людей, набирала обороты. Массовый террор, осознание собственного бессилия против системы, деятельность советской пропаганды не позволили протестам принять широкий характер и обеспечили широкую поддержку проводимым реформам. Пропагандистская машина в СССР активно и успешно внушала советским гражданам «миф о светлом будущем», которое ожидает их в ближайшей перспективе. Можно согласиться с Ш. Фицпатрик, что рядовые граждане также развивали в себе способность видеть окружающие их процессы и явления не такими как они есть, а такими, какими они должны быть и станут [Фицпатрик, 2008. С. 15]. Выработывалась риторика оправдания ежедневных лишений и дефицита будущими успехами и достижениями. Это качество проявилось и в речи участника четвертой томской окружной конференции бедноты и батрачества, состоявшейся 20–23 февраля 1930 года:

¹ ЦХИДНИ КК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 745. Л. 26; Д. 746. Л. 72; Д. 747. Л. 96; Ф. 96. Оп. 1. Д. 808. Л. 51.

Товарищи, создание материальной базы связано с большими трудностями и даже лишениями, много жалуются на недостаток предметов первой необходимости. Да, такое положение есть. Это происходит потому, что мы по нашей пятилетней программе строим нашу тяжелую промышленность, которая не вырабатывает мануфактуры, кожи, ниток, но вырабатывает уголь, чугун, сельскохозяйственные машины. <...> Поэтому, я думаю, что лучше нам один-два года походить в худых сапогах, чтобы нам выпустили машины, а после этого будет развивать промышленность, которая будет вырабатывать средства потребления¹.

Такая риторика позволяет понять причины, в силу которых в 1930-х годах многие люди воспринимали продовольственные трудности, дефицит, как временные явления, которые скоро уйдут в прошлое. По их мнению, это была та цена, которую стоило заплатить за счастливое будущее. Однако, как показала советская история, в последующие годы товарный дефицит стал неотъемлемой частью повседневной жизни в СССР.

Демография голода и репрессий

Последствия голода наиболее остро сказались на районах, производящих сельскохозяйственную продукцию. Особенно сильно пострадало от голода сельское население, так как жители городов, по крайней мере, благодаря карточной системе, были обеспечены минимальным пайком, а крестьянам не на что было рассчитывать. Поток голодающих жителей сел и деревень хлынул в города.

Сложно определить число умерших от голода в Сибири, официальной статистики на этот счет автору не удалось обнаружить. Усугубляло ситуацию со смертностью то обстоятельство, что в Сибирь шел огромный поток ссыльных, они являлись источником инфекционных заболеваний. Например, акты Комиссии, обследовавшей Томское исправительно-трудовое учреждение (ИТУ) в 1931–1932 годах, зафиксировали, что смертность заключенных в 1932 году, по сравнению с 1931 годом, возросла на 1360 %. Большая часть смертей наступила вследствие «катара кишок, отека и поноса», туберкулеза, сердечно-сосудистых заболеваний, сыпного тифа. Причем в 1932 году 66 % умерших составляли подростки в возрасте от 16 до 20 лет.

Увеличение смертности населения в эти годы было связано с тем, что ослабленный хроническим недоеданием организм был не в состоянии сопротивляться инфекционным заболеваниям. В 1933 году в Сибири было официально зарегистрировано 287 тысяч умерших, для сравнения в 1928 году число умерших было 176 тысяч человек [Исупов, 1990.

¹ ЦХИДНИ ТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 935. Л. 12, 13.

С. 182, 183]. В результате тяжелого материально-бытового положения произошло увеличение детской смертности в стране в 1929 году на 190 %, в 1931 на 210 %, в 1933 – на 317 % [Исупов 2000. С. 78, 94]. Особенно высокие показатели смертности в эти годы были зарегистрированы среди детей (в том числе младенцев) и стариков. По данным статистики, в начале 1930-х годов 45 % детей Игарки в возрасте от 1 до 2 лет имели вес, равный весу здорового пяти-восьмимесячного ребенка [Очерки истории... 2011. С. 132]. Таким образом, в условиях массового голода дети оказались самой уязвимой группой населения.

Пайковое снабжение детей в годы голода и товарного дефицита

Для городских и части сельских жителей пайковое снабжение было спасением в голодные годы. В городах Сибири в январе 1930 года паек для детей состоял из 6,75 кг муки, 2 кг мяса, 1 кг сахара, 500 г манной крупы в месяц ¹. Это был минимальный набор продуктов, который позволял поддерживать физиологическое существование. Основной рацион питания детей составляли картошка, хлеб и крупы.

Одни из самых высоких норм пайка на территории Сибири были у местного партийного руководства, их отнесли к первому списку снабжения. Товары и продукты питания для себя и членов своей семьи они получали в специальных закрытых распределителях и столовых. Паек этой социальной группы нельзя назвать разнообразным и обильным, он включал лишь основные продукты питания – мясо, рыбу, сахар, жиры, крупы. Устойчивой тенденцией в 1930-е годы было отсутствие в закрытых распределителях продуктов питания ². Дети индустриальных рабочих также относились к первому списку. Нормы пайка у них приравнивались к нормам местного руководства. Хлебом централизованно снабжались семьи сельского руководства ³, рабочих совхозов ⁴, рабочих МТС (машинно-тракторных станций) ⁵, Там же. сельской интеллигенции ⁵, спецпереселенцев. В 1931 году хлебом снабжались 40 % детей в городе и 60 % в сельской местности Восточной Сибири ⁶.

¹ ЦРК «Самодетельность» и Красрай ТПО доводят до сведения... // Красноярский рабочий. 1930. № 1. 1 янв. С. 4.

² ГАИО. Ф. 610. Оп. 1. Д. 875. Л. 26.

³ ЦДНИ ИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 456. Л. 120.

⁴ ГАИО. Ф. 610. Оп. 1. Д. 862. Л. 71.

⁵ ГАИО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 94. Л. 13.

⁶ ГАИО. Ф. 610. Оп. 1. Д. 862. Л. 71.

Представляет интерес тот факт, что именно индустриальный прагматизм, а не социальное происхождение спецпоселенцев определял нормы снабжения этой категории населения. Самые низкие нормы были установлены для тех, кто работал в сельском хозяйстве [Корсакова, 2001]. Значительно больше продуктов питания получали спецпоселенцы, работавшие в золотодобывающей и лесоперерабатывающей отраслях региона. С января 1933 года по распоряжению Союзнаркомснаба (Народного Комиссариата снабжения СССР) нормы снабжения для этой категории граждан были снижены, что объясняется хроническим тотальным дефицитом товарных фондов в стране в условиях форсированной индустриализации. Паек данной категории населения по некоторым показателям превышал даже нормы других списков пайкового снабжения. Очевидно, что обеспечение жителей СССР товарными фондами зависело от оценки личного вклада в дело индустриализации.

Если характеризовать ситуацию в целом, то можно сказать, что в первой половине 1930-х годов произошли изменения в уровне потребления населением СССР основных продуктов питания. Потребление городским жителем хлеба в 1928 году составляло 174 кг в год, сельским жителем 250 кг в год. В 1932 показатели изменились: горожанине увеличили потребление до 211 кг в год, а крестьяне наоборот сократили до 214 кг. Потребление картофеля в 1928 году на одного городского жителя составляло 87 кг в год, на сельского жителя 141 кг, в 1932 году показатели изменились, соответственно, до 110 кг и 125 кг. Потребление мяса в 1928 году для горожан в год составляло 51 кг, для жителей деревни 25, в 1932 году показатели изменились соответственно до 16 кг и 11 кг [Волков, Вылцан, Зеленин, 1983. С. 3–20].

Статистические данные позволяют сделать вывод о том, что если в конце 1920-х годов уровень потребления жителей деревни по данным видам продуктов был выше, чем у горожан, то в первую пятилетку он стал примерно равным, а по мясу даже ниже. Более высокие показатели потребления городскими жителями некоторых продуктов питания связаны с существованием карточной системой, охватывающей большинство их жителей. А крестьяне выживали лишь за счет личного подсобного хозяйства. Объем основных продуктов питания, которые традиционно поступали в крестьянскую семью за счет собственного хозяйства, сократился. Не стоит забывать тот факт, что среднестатистические показатели включали данные о питании партийной элиты, сотрудников органов безопасности, «аристократии рабочего класса» и прочих привилегированных категорий граждан, что существенно искажает официальные показатели потребления.

Таким образом, очевидно, что государственная система распределения укрепляла и усиливала социальное неравенство в СССР. Существование привилегий для представителей административной, политиче-

ской, военной элиты вступало в противоречие с утверждением о том, что социальная структура в СССР основывалась на производстве, «пролетарском приоритете». Потребление стало мощной дифференцирующей силой, определяющей статус человека в системе.

Снабжение детских учреждений

Другим важным элементом снабжения детей и подростков товарами, продуктами питания являлись образовательные учреждения. Все детские учреждения имели централизованное государственное обеспечение, те из них, которые находились в городах, обеспечивались всем необходимым через Государственное Объединение Розничной Торговли (ГОРТ). Сельские учреждения снабжались через потребительскую кооперацию, хотя в ряде случаев сельские власти вынуждены были содержать их за свой счет (предоставлять помещение, продукты питания для детей), что вызывало со стороны жителей деревни определенное недовольство. Часть сельских учреждений была прикреплена к закрытым распределителям, обслуживающим промышленные предприятия.

В соответствии с директивой Народного Комиссариата здравоохранения на одного ребенка ежемесячно в начале 1930-х годов следовало выдавать муки – 2,7 кг, мяса – 1 кг, масла животного – 0,46 кг, сахара – 1,2 кг, крупы – 1,1 кг ¹. Но плановые показатели почти никогда не выполнялись, так в октябре 1932 году план по снабжению детских учреждений был выполнен в Восточной Сибири лишь на 20–25 % ². Кроме того, продовольствие, которое поступало централизованно, отличался крайне низким качеством продуктов. Все лучшие продукты в первую очередь были предназначены для взрослого населения из привилегированных групп снабжения. А в детские организации продукты отправляли по остаточному принципу, вместо муки сеянки завозили ржаную, вместо риса и манной крупы – просо, иногда с опилками и примесью овса.

Местные власти организовали снабжение промышленными товарами детей и подростков через сеть детских образовательных учреждений. В сельской местности восточносибирского региона на централизованном снабжении находилось 262 550 учеников школ первой ступени, 37 770 учащихся ФЗУ (фабрично-заводского ученичества) и ШКМ (школ крестьянской молодежи) ³. Объем товарных фондов для учащихся горо-

¹ ГАИО. Ф. 610. Оп. 1. Д. 887. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Л. 15.

дов и рабочих поселков был выше, чем для сельских учеников. По плану снабжения промышленными товарами учащиеся города в год должны были получать 0,52 пары обуви, а сельские ученики – 0,28 пары; хлопчатобумажных тканей соответственно 2,2 м и 1,2 м; туалетного мыла 1,2 и 0,7 куска. План предусматривал даже снабжение учащихся махоркой и папиросами. На одного учащегося деревни в год полагалось 0,187 кг махорки и 53 штуки папиросы, а для городских учеников 0,35 кг махорки и 100 штук папирос. Также детей обеспечивали обувью, пальто, шапками, варежками, тканями, нитками, чулками и носками, горячими завтраками и полотенцами. В вопросах снабжения имел место классовый принцип – дети деревенской бедноты обеспечивались обувью и одеждой по сниженным ценам [История Сибири... 1968. С. 403].

Действительность была такова, что недостаточное снабжение и товарный дефицит являлись хронической проблемой 1930-х годов. Так, в одном из отчетов по результатам обследования состояния товарооборота и общественного питания в Восточно-Сибирском крае в 1931–1933 годах отмечались случаи, когда сельские школы не работали из-за отсутствия топлива ¹. В публикациях В.С. Познанского приводятся факты о пропусках детьми занятий в ряде сельских школ Западно-Сибирского края в начале 1930-х годов из-за отсутствия хлеба, о голодных обмороках учащихся на уроках [Познанский, 2007. С. 277].

К 1932 году на централизованном снабжении в Восточно-Сибирском крае находилось 4 365 воспитанников домов ребенка и яслей ². Имеются данные, что в 1933 году на централизованном снабжении в крае состояли дошкольные учреждения (детские сады, очаги, интернаты), где находилось 66 200 детей, из них в городах и рабочих поселках проживало 13 430 человек, а остальные 52 770 – в сельской местности ³. В интернатах проходили обучение дети из отдаленных районов. В Западно-Сибирском крае в 1932 году существовало 172 детских дома, в которых находилось 11 212 детей [Познанский, 2007. С. 279].

Как следует из статистических данных ⁴, обмундирование детей должно было включать в себя все необходимое. Сомнение вызывает лишь то, действительно ли эти нормы выполнялись своевременно и в полном объеме. В результате приоритетов промышленной политики, связанных с развитием тяжелой промышленности, даже в конце 1930-х годов потребительский спрос не мог быть удовлетворен полностью.

¹ ГАИО. Ф. 610. Д. 873. Л. 13 об.

² ГАИО. Ф. 610. Оп. 1. Д. 887. Л. 1.

³ ГАИО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 94. Л. 11.

⁴ Там же.

Поэтому в условиях хронического товарного дефицита фактическое поступление товарных фондов в регионы страны заметно отставало от плановых показателей¹. Недостаточное государственное финансирование детских учреждений привело к постоянным перебоям в снабжении детей основными продуктами питания и непродовольственными товарами. В этой связи даже на фоне общего роста дефицита неожиданным представляется предложение Наркомснаба РСФСР весной 1933 года сократить товарные фонды для снабжения детских домов. Существующую прежде норму продуктового обеспечения (в среднем на ребенка в месяц 12 кг), предполагалось со второго квартала года снизить на 1/3. И лишь решительное вмешательство Запсибкрайисполкома (Исполнительного комитета Западно-Сибирского краевого совета депутатов трудящихся) помогло предотвратить сокращения [Познанский, 2007. С. 284].

Многочисленные проверки в 1930-е годы выявляли постоянное нарушение норм снабжения детей. Так, комиссия, обследовавшая детские дома и детприемники Томска, выявила следующие факты:

...Торговые организации края систематически не дают продукты в детские учреждения. В детском доме № 9 недопустимо мало детского белья, четыре мальчика оказались совсем без рубашек, на 70 человек детей имелось 43 простыни и 44 одеяла, полотенец не было вообще, дети вытирались тряпками. Из-за недостатка одеял дети спали по двое на одной койке. В детском доме № 3 имелось 15 пальто на 43 человека, и так же не хватало постельного белья².

Негативные последствия такого бедственного положения со снабжением детей описывал в докладе один из заведующих интерната Томска на собрании партгруппы Комиссия по улучшению жизни детей (Деткомиссии) в апреле 1935 года. Он сказал:

Не пустить ребят на улицу из интерната, это значит нужно создать условия, то есть увеличить выдачу хлеба, белья и постельных принадлежностей, чтобы они имели возможность быть сытыми и чистыми, а этого нет. У воспитанников нет хлеба и денег, они вынуждены красть и продавать казенные вещи³.

Очевидно, что кризисы в снабжении детей имели серьезные социальные последствия. Существующая система снабжения невольно толкала детей к совершению преступлений: воровству, разбою, нищенствованию, проституции, дети становились и участниками взрослых банд.

¹ ГАКК. Ф. 1478. Оп. 1. Д. 1159. Л. 122; Д. 1173. Л. 3; Д. 1194. Л. 20.

² ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 412. Л. 48.

³ Там же. Д. 389. Л. 12.

Учащиеся техникумов, вузов также снабжались из централизованных фондов. Нормы продуктового пайка зависели от выбранной специальности, будущие инженерно-технические кадры получали паек рабочих, а студенты нетехнических специальностей – паек служащих [Осокина, 1999. С. 95]. В Сибири студенты входили в состав второго или третьего списка снабжения, поэтому качественные и количественные показатели их пайка были невысоки.

Существовал особый порядок распределения одежды и обуви. В начале 1930-х годов сырье для их пошива поступало из централизованных фондов, а сами изделия производились в кооперативных организациях. Готовая продукция распределялась по ордерам (документ, выделяемый администрацией и дающий право на заказ, получение какого-либо товара через местную систему распределителей) через кооперативные, профсоюзные организации. Учащийся – разумеется, далеко не каждый – мог получить ордер раз в шесть месяцев¹, однако, гарантии, что его можно было отоварить, не было. В одном из отчетов о материальном положении студенчества Томска в 1931 году отмечались факты полного отсутствия в распределителе теплого белья, ниток. В течение этого года в нем было получено галош на 35 % от количества студентов, обуви на 75 %, белья на 20 %. В документах описывались случаи, что студенты, приехавшие из сельской местности, ходили на занятия, не снимая пальто, так как под ним у них не было брюк².

Кризис в организации снабжения томского студенчества в 1930 году привел к тому, что из-за отсутствия обуви, студенты осенью массово не посещали занятия, что нашло отражение в письме Р.И. Эйхе³. Невыполнение норм снабжения было связано еще и с тем, что в 1930–1931 годах в Томске количество студентов фактически прикрепленных к распределителям было в два раза больше, чем должно было быть по нормативам. Это привело к тому, что в распределители выстраивались огромные очереди, особенно за хлебом⁴.

Проблему продовольственного кризиса частично помогала решать сеть общественного питания, организованная при учебных заведениях. Средняя стоимость блюда в школьных столовых составляла 23 к, а в студенческих 33 к [Народное хозяйство... 1934. С. 129, 130] при средней стипендии студентов около 25 рублей. Стипендия не могла покрыть всех расходов на питание, поэтому студенты зачастую в столовой только обе-

¹ ЦДНИ ИО. Ф. 2526. Оп. 1. Д. 8. Л. 210–211.

² ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 185. Л. 117.

³ Там же. Д. 88. Л. 101.

⁴ Там же. Л. 126.

дали ¹. Кроме того, в одной столовой питались студенты сразу нескольких учебных заведений. По архивным свидетельствам, зимой 1931 года студенты простаивали по полтора-два часа на морозе, чтобы попасть в столовую.

Качество продукции и ассортимент в этих учреждениях, по отзывам проверяющих, находились на крайне низком уровне. Из централизованных фондов для столовых и буфетов отпускались лишь мука, крупа, жиры, вермишель, макароны и сахар, все остальные продукты должны были поступать из местных резервов, но подсобные продовольственные базы существовали не везде, а децентрализованные заготовки сельскохозяйственной продукции проходили плохо [Народное хозяйство... 1934. С. 131]. В областном центре снабжение шло за счет пригородных хозяйств, а в ряде районов за счет молочных баз и колхозов, которые не в полном объеме справлялись со своей задачей. Краевая рабоче-крестьянская инспекция в первой половине 1930-х годов выявляла массовые случаи полуголодного существования детей и подростков, которые из продуктов питания получали лишь картошку ².

В связи с недостаточным обеспечением детей продуктами питания и товарами промышленного производства актуальна была проблема самообеспечения. Массовое внедрение трудового воспитания в образовательных учреждениях, помимо воспитательных целей и возможности получения специальности для адаптации в будущем к самостоятельной жизни, имело и практическую направленность – самоснабжение. В ряде детских домов региона имелось личное подсобное хозяйство, где выращивали овощи, разводили скот ³. В мастерских, организованных при детских домах и специализированных школах выпускались товары народного потребления – обеспечивая ими учащихся. Так, в детском доме № 5 с особым режимом Томска имелось подсобное хозяйство, состоящее из 25 коров, 200 овец, 240 семей пчел, 19 лошадей, 7 свиней. Если судить по мощности данного хозяйства, то оно должно было полностью обеспечивать детский дом продуктами питания ⁴.

В Западно-Сибирском крае пошли еще дальше – к 1933 году в детских домах там находилось около 13 тысяч воспитанников, содержать такое количество детей местному бюджету было не под силу, поэтому было принято решение перевести часть детских домов в сельскую местность. Для них на новом месте выделялась земля под подсобное хозяйство [Познанский, 2007. С. 282]. Эти свидетельства указывают на то, что

¹ ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 88. Л. 125.

² ГАИО. Ф. 610. Оп. 1. Д. 887. Л. 1.

³ ЦХИДНИ КК. Ф. 1244. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.

⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 938. Л. 15.

введение карточной системы, основанной на принципах централизованного государственного распределения материальных благ, «пролетарского приоритета» не смогло решить проблемы снабжения в стране. Местные власти в своих попытках справиться с товарным дефицитом и голодом вынуждены были действовать рационально и прагматично, дополняя и модифицируя систему привилегий, расширяя возможности учреждений по самостоятельному выживанию, снабжению и хозяйствованию, закрывая глаза на существование этой автономной от государства экономики выживания.

Таким образом, оценивая состояние снабжения детей и подростков в 1930-е годы в Сибири, необходимо отметить, что их материальное обеспечение находилось в прямой зависимости от экономической политики власти. Монополия тоталитарного государства жестко подчиняла все сферы общественной жизни курсу форсированной индустриализации. В 1930-е годы политическая элита приняла решение о быстром наращивании военно-промышленного потенциала, поэтому социальная сфера финансировалась по остаточному принципу. В условиях товарного дефицита снабжение граждан страны отражало противоречие между объявленными классово-производственными принципами распределения и реальной практикой этакратической стратификации, возникшей в советском обществе. В СССР степень материального благополучия граждан зависело не столько от участия в промышленном производстве, как это официально было объявлено, сколько от того, какое место они занимали во властных иерархиях, в том числе военных, политических, производственных. В этой смысле материальное обеспечение детей и подростков не являлось приоритетной задачей советского государства.

Централизованно обеспечивались необходимыми продуктами питания, товарами дети и подростки, находящиеся в детских образовательных учреждениях. Им выделялся специальный товарный фонд, но все же основная часть продуктовых резервов формировалась за счет местных ресурсов. Фактическое снабжение детей было значительно меньше плановых показателей, определяемых государством, качество питания было низким, что объяснялось остаточным принципом финансирования данной сферы.

Можно сделать вывод, что система снабжения 1930-х годов выполнила свои политические цели – она помогла перераспределить товарные ресурсы на нужды индустриализации, а это стало возможно лишь ценой снижения уровня жизни для большей части населения страны, и в том числе детей. Социальная политика была принесена в жертву формирующейся тяжелой промышленности. Плохое и однообразное питание, постоянное отсутствие основных продуктов и товаров повседневного спроса, голод нанесли ущерб здоровью подрастающего поколе-

ния, многих привели к гибели. Дети и подростки в большинстве образовательных учреждениях Сибири были обречены на полуголодное существование. Немногим лучше было положение большинства детей и в семьях. Детский организм, ослабленный хроническим недоеданием и отсутствием жизненно необходимых витаминов и белка, легко становился жертвой инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний. Усугубляли ситуацию плохие жилищные условия, антисанитария. Те дети и подростки, которые выжили в это сложное время, приобрели серьезные хронические заболевания, являющиеся следствием низкого уровня жизни.

В советском государстве в жертву глобальным планам по экспансии социализма были принесены многие аспекты благополучия населения. Внутриполитический курс СССР был ориентирован исключительно на достижение определенных целей государства – реализацию проекта «догоняющей» модернизации, он недостаточно учитывал приоритеты социальной политики, и потребности миллионов людей.

Список сокращений

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

ЦДНИ ИО – Центр документов новейшей истории Иркутской области

ЦХИДНИ КК – Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края

ЦДНИ ТО – Центр документации новейшей истории Томской области

Список литературы

Алексеев О. Г. Торговля и снабжение населения в городах Восточной Сибири в период карточной системы (1928–1935 гг.): монография; М-во образования и науки РФ, Краснояр. гос. торг.-экон. ин-т. Красноярск: КГТЭИ, 2011.

Афанасова Е. Н. Хозяйственное обеспечение и финансирование детских домов Иркутской губернии (области) в 20–30-х гг. XX в. // Сибирь в контексте российских перемен: исторический опыт, традиции и проблемы современности. Иркутск: Иркутский государственный педагогический университет, 2005. С. 172–180.

Волков И. М., Вылцан М. А., Зеленин И. Е. Вопросы продовольственного обеспечения населения СССР (1917–1982 гг.) // История СССР. 1983. № 2. С. 3–20.

Внутренняя торговля РСФСР за 1931–1934 гг. М.: Пищепромиздат, 1935.

Дихтяр Г. А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. М.: Наука, 1965.

Дударь Л. А. Растраты и хищения в дальневосточной торговле (30-е начало – 40-х годов XX века) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 2. С. 23–30.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003.

История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 4. Сибирь в период строительства социализма / гл. ред. А. П. Окладников. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1968.

Исупов В. А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. С. 180–201.

Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.

Келли К. «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. С. 218–251.

Корсакова О. В. Особенности использования труда крестьян-спецпереселенцев в период массовой коллективизации и раскулачивания // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 2000. Вып. 2. С. 26–27.

Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917–1963). М.: Мысль, 1964.

Малышева М. П. Голод на юге Сибири в 1930 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 84–87.

Народное хозяйство СССР в 1960 году: стат. ежегодник. М.: Госстатиздат, 1961.

Народное хозяйство и культура Красноярска и района за три года. Красноярск: Краснояргиз, 1934.

Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОС-СПЭН, 1999.

Познанский В. С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е годы XX в. / отв. ред. М. П. Малышева. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007.

Рубинштейн Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964.

Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань: КГУ, 2007.

Смирнова Т. М. «Прекраснейшее в мире здание охраны детства...»: Советская «детская» политика и общество. 1917–1930-е гг. // Ежегодник историко-антропологических исследований 2006/2007. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2008. С. 124–156.

Смирнова Т. М. Охрана детства в Советской России: Общество и власть. 1917–1930-е гг. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 14. М.: МГУ, 2008. С. 93–116.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008.

Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск: Издание Крайгиза, 1932.

Людмила Евгеньевна Мариненко
канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных наук Красноярского
государственного торгово-экономического института
электронная почта: velichinskaya.lyudmila@mail.ru
